

Ты видишь, ликъ мой тощъ и блѣденъ;
Я нищъ и старъ; я скорбью съѣденъ.
Я былъ и молодъ, и богатъ —
Я расточилъ свое богатство;
Промчалась юность; много кратъ
Враговъ извѣдалъ я злорадство
И лживую печаль друзей:
То казнь была моею гордынѣ.
Ужъ мнѣ не жаль минувшихъ дней!
Съ судьбою примирившись нынѣ,
Я въ потѣ дряхлаго лица
Тружусь и жизни жду конца;
Но памятенъ мнѣ день ужасный,
Когда, презрѣнный и несчастный,
Одинъ, безъ крова, въ поздній часъ,
Я очутился въ первый разъ.

Ужь тѣнью Самаркандъ покрылся,
Народъ съ базара расходился,
Дервиша смолкъ унылый крикъ,
Закрылся торгъ, кончались споры...
Дородный сартъ, сѣдой старикъ,
Съ усильемъ надвигалъ запоры
На двери лавочки; огонь
Блеснулъ въ потемкахъ; чей-то конь,
Понурия голову, лѣнливо
Брелъ безъ хозяина домой.
Все утихало, лишь порой
По сонной улицѣ пугливо
Перебѣжать изъ дома въ домъ
Спѣшила женщина; потомъ,
Какъ мышь, въ тѣни двора скрывалась —
И вновь молчанье водворялось.
Счастливый часъ для богачей!
Ихъ ждутъ объятья женъ стыдливыхъ
Иль пиръ въ кругу друзей шумливыхъ,
При пляскѣ молодыхъ *батчей*.
Ужь за стѣной раздалися влики,
И музыки веселый звукъ,
И пляски быстрой топоть... Вдругъ
Смятенье, ревъ несется дикій:
Батча лукавый угодилъ,

Восторгъ собранье охватилъ;
Бѣгутъ, и мечутся, и стонутъ....
Но вотъ опять всѣ звуки тонутъ
Въ ночномъ молчаніи...

Луна

Изъ-за садовъ свой ликъ являла
И городъ сонный освѣщала.
Въ ту ночь казалась мнѣ она
Блѣдна и зла. Людми забытый,
Къ стѣнѣ прижавшись, нѣмой,
Съ поникшей долу головой
Стоялъ я; злобой ядовитой
Томилаcя больная грудь, —
Мнѣ было негдѣ отдохнуть!
И о судьбѣ своей жестокой
Въ тиши я плакалъ одинокій;
Но нищему внималъ Алла;
Къ нему печаль моя дошла:
Онъ помощь мнѣ послалъ неожиданно.
Вдругъ, вижу я, — передо мной
Старикъ съ дрожащей головой
Стоить; таинственно и странно
Мерцаетъ безпокойный взглядъ
Очей, луною озаренныхъ;
Въ устахъ, усмѣшкой искривленныхъ,

Зубовъ темнѣеть черный рядъ...
И звуки вкрадчиваго слова
Я слышу въ тишинѣ ночной:
— О чемъ ты плачешь? — Я безъ крова.
— Кто ты? — Наказанный судьбой,
За то, что... — Удержись! Причину
Мнѣ знать не нужно; проходя,
Въ ночи твой плачъ услышалъ я
И захотѣлъ твою кручину
Совѣтомъ мудрымъ облегчить.
— Отстань старикъ! Твое участие
Не нужно мнѣ; мое несчастье
Никто не можетъ изцѣлить!
— Смири порывъ гордыни ложной.
Вотъ кошелекъ; мой даръ ничтожный
Прими и слушай: средство есть
Въ печаляхъ вѣдать наслажденье
И, позабывъ судьбы гоненье,
Съ отрадой бремя жизни несть.
Ты плачешь; но въ земной юдоли
Унынья, нищеты, заботъ
Алла спасенье подаетъ
Рабамъ его священной воли.
Алла могучъ! Гашиша дымъ
Для счастья нищихъ созданъ имъ!

Скорѣй-же, горемъ отягченный,
Иди въ пріютъ уединенный,
Струю волшебную вдыхай, —
И тяжесть скорби безысходной
Съ души спадеть, и, вновь свободный,
Ты на землѣ познаешь рай.

Сказаль и быстро удалился,
Оставивъ даръ въ рукѣ моей...

Въ кофейнѣ огонекъ свѣтился, —
Шатаясь, побрелъ я къ ней.
Вошелъ... Средь дымнаго тумана
Сидѣли люди вокругъ кальяна.
Кто самъ съ собой велъ разговоръ,
Кто, на огонь уставивъ взоръ,
Въ торжественномъ оцѣпенѣннѣ,
Казалось, созерцалъ видѣнье;
Кто, мирно голову склонивъ
На грудь, въ дремоту погружался,
Кто пѣньемъ сладкимъ упивался...
Я сѣлъ угрюмъ и молчаливъ,
Чубукъ схватилъ рукою жадной,
Вдохнулъ гашиша дымъ отраднѣй
И дожидаться сталъ. Порой,
Объятъ невѣдомой мечтой,

Кофейни гость въ восторгѣ дикомъ
Вставалъ и хохотомъ, и крикомъ
Вертепъ убогій оглашалъ;
Тогда хозяинъ прибѣгалъ,
Чтобы унять безумца бранью;
Но, преданъ чудному мечтанью,
Окрестъ не видя ничего,
Счастливецъ презиралъ его
Ничтожный гнѣвъ и въ плясъ пускался.
Но вдругъ почудилось мнѣ,
Что самъ, какъ-будто въ странномъ снѣ,
Я громкимъ смѣхомъ заливался.
Да гдѣ-же горе? — Горя нѣтъ!
О чемъ я плакалъ такъ недавно?
На что сердился своенравно?
Мнѣ счастье нѣжный шлетъ привѣтъ!
Я все забылъ... я въ упоеньи...
То было райское мгновенье!
Я понялъ, что гашиша дымъ
Ужъ духомъ властвовалъ моимъ.

Быть можетъ, житель странъ холодныхъ,
Суровыхъ, темныхъ и бесплодныхъ,
Не вѣдалъ ты въ снѣгахъ своихъ
О чудныхъ таинствахъ Востока?

Я расскажу тебѣ о нихъ
Во славу Бога и Пророка.
Внемли-жь словамъ моимъ, пришлецъ,
И вѣрь правдивому разсказу!
За слово лжи пускай Творецъ
Пошлетъ на плоть мою заразу,
Пусть изсушитъ источникъ водъ
Мнѣ на пути въ степяхъ горючихъ
И облакомъ песковъ летучихъ
Мой трупъ истлѣвшій занесетъ!

Забывъ житейскія тревоги,
Унылыхъ мыслей не тая,
На войлокѣ, поджавши ноги,
Сижу я, весель, какъ дитя!
Куда ни обращаю взоры,
Повсюду дивные узоры
И разноцвѣтные ковры.
Роскошной Персіи дары;
Шелками шитые халаты,
Въ сіяньи золота чалмы,
За мигъ—и блѣдны, и темны,
Теперь—прекрасны и богаты,—
Пестрѣютъ ярко предо мной
Игривой, радужной красой!
А люди, люди! Не похожи

Они вдругъ стали на людей:
Забавный видъ! Какія рожи!
То сонмъ невиданныхъ звѣрей!
Одинъ вѣтвистыми рогами
Товарища бодаетъ въ бокъ;
Другой, съ руками и ногами
Въ ковровый спрятавшись мѣшокъ,
Клубочкомъ по полу катится;
Кто выросъ вдругъ до потолка,
А кто сталъ мельче паука...
Все пляшетъ, мечется, кружится —
Быстрѣй, быстрѣй—и, увлеченъ
Въ туманѣ дикаго вращенья,
Изъ глазъ теряю я видѣнья
И вдругъ, какъ-будто дальній стонъ,

Раздался звонъ.
Такъ чуденъ онъ,
Что, упоенъ,
Я въ сладкій сонъ.
Имъ погруженъ
И все кругомъ,
Объято сномъ,

Внимаетъ въ сумракѣ нѣмомъ,
Какъ, потрясая небосклонъ,

Несется онъ,
Тотъ дивный звонъ.

Звонъ—и широко раскрылись зѣницы;
Звонъ—я на волѣ; подулъ вѣтерокъ;
Звонъ—пробудилися пѣвчія птицы,
Алой зарей разгорѣлся востокъ.
Съ звономъ сливаются новые звуки:
Каплетъ роса съ оживленныхъ деревь,
Вѣтви въ одеждѣ зеленыхъ листовъ
Манять меня, какъ мохнатая руки,
Въ темныя сѣни роскошныхъ садовъ.

Ропщутъ тамъ воды—прозрачныя воды!
Къ нимъ, покидая узорные своды
Пышныхъ гаремовъ, веселой гурьбой
Жены эмира съ зарей прибѣгаютъ,
Пѣсни ихъ громкія страсть распаляютъ,
Будятъ желанья въ груди молодой...
Крѣпкія стѣны красу ихъ скрываютъ...
Но, какъ тигрица на гриву коня,
Бѣшено на стѣну кинулся я.

Прыгнулъ—и вотъ за ревнивой оградой
Жадно дышу благовонной прохладой;
Спрятавшись въ чащѣ кудрявыхъ кустовъ,
Жду я видѣній; но тѣхъ голосовъ,

Что долетали ко мнѣ за мгновенье,
 Смогло волшебнo-лугавое пѣнье.
 Все въ неподвижно-нависшихъ садахъ
 Пусто... Но чу! Недалеко въ кустахъ
 Слышится шопотъ, призывъ потаенный:

„Спѣши, мой яхонтъ драгоцѣнный,
 Ко мнѣ, ко мнѣ! Я здѣсь одна;
 Тревогой грудь моя полна.
 Я жажду наслажденій новыхъ,
 Безумныхъ, молодыхъ страстей.
 Я ускользнула отъ очей
 Эмира евнуховъ суровыхъ,
 Чтобъ убѣжать съ тобою въ даль.
 Ужель тебѣ меня не жаль?
 Я молода... не въ силахъ долѣ
 У старика скучать въ неволѣ;
 Возьми меня, люби меня.
 Ты смѣлъ и молодъ—я твоя!“

И та, чей голосъ соловьиный
 Меня такъ чудно призывалъ,
 Явилась мнѣ, и станъ змѣинный
 Къ груди съ весельемъ я прижалъ.
 Меня отталкивали руки.

„Боюсь... ступай...“ шепталъ языкъ,
 „Не уходи“, съ улыбкой муки